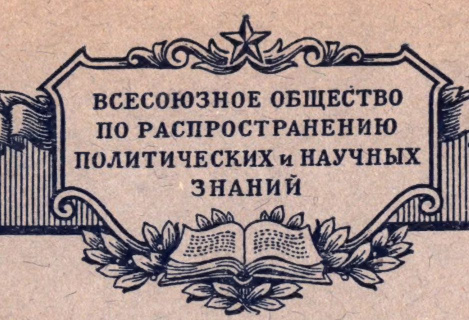

КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК
М. Ш. БАХИТОВ

О СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ ПОЗИТИВИЗМА

Серия II
№ 23

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва — 1955

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Кандидат философских наук
М. Ш. БАХИТОВ

О СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ ПОЗИТИВИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва ★ 1955

СОДЕРЖАНИЕ

Позитивизм — отрицание философии как научного мировоззрения

Вся идеология современной реакционной буржуазии подчинена одной цели — защите отжившего свой век капитализма, оправданию империалистической политики. Но пытаться оправдать явно несправедливое дело можно лишь изменяя научному мировоззрению, фальсифицируя, извращая его.

Этим именно объясняется широкое распространение в капиталистических странах различных антинаучных, идеалистических теорий и учений. Кроме откровенно идеалистических теорий, непосредственно смыкающихся с религией и переходящих в средневековую мистику, господствующая буржуазия с помощью своих услужливых профессоров философии всячески пропагандирует также и теории, маскирующиеся под науку.

Пропагандируя идеалистическое мировоззрение, создавая у людей неправильное, антинаучное представление об окружающем мире, о развитии общества, буржуазные идеологи пытаются задержать рост революционной сознательности и организованности масс и этим оттянуть гибель капитализма, продолжить господство буржуазии, помешать общественному прогрессу. Именно поэтому критика и разоблачение антинаучного и реакционного характера современных буржуазных теорий является одним из важных условий, облегчающих освобождение рабочего класса и всех трудящихся от капиталистического рабства.

Следует отметить, что философские теории, господствующие в капиталистических странах, многочисленные по названиям, представляют собой в действительности слегка подновленные отбросы старых идеалистических систем. Таковой является и философия так называемого позитивизма.

Слово «позитивизм» означает «положительный». Позитивной (положительной) философией называл свои взгляды французский буржуазный идеолог О. Конт (1798—1857). Этим названием О. Конт и его последователи хотели показать, что их взгляды основаны исключительно на фактических, «положительных» знаниях и в корне отличаются от всех прежних,

существовавших до них философских учений, якобы опирающихся на «абстрактные умозаключения». Позитивисты утверждают, что они будто бы преодолели «крайности» материализма и идеализма и возвышаются над тем и другим. На самом же деле, позитивизм есть одна из разновидностей субъективного идеализма.

Научное познание позитивисты ограничивают лишь описанием внешних явлений и фактов, данных в опыте, философию же сводят к более или менее систематизированному изложению этих фактов. Более того, позитивизм отрицает даже возможность существования самостоятельной философской науки наряду с конкретными, естественными и историческими науками. Путем «отрицания» философии позитивисты пытаются протащить в науку идеализм.

Классики марксизма-ленинизма блестяще вскрыли научную несостоятельность и реакционность бесконечных потуг буржуазных философов превзойти «односторонность» материализма и идеализма, провозгласить новую линию в философии. Всякая «новая» философия, провозглашаемая буржуазными мыслителями, оказывается на деле лишь завуалированной формой старых идеалистических учений.

В то время, когда позитивизм только что входил в моду буржуазной философии, Ф. Энгельс указывал на крайне убогий, эклектический характер этой философии, проповедовавшей агностицизм. Именно поэтому Ф. Энгельс отнес позитивизм к выродившемуся потомству классической немецкой философии и в появлении его усматривал попятное движение буржуазной философии, ее измельчание и деградацию.

Уничтожающую критику позитивизма и его разновидности махизма (эмпириокритицизма) дал В. И. Ленин в своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин убедительно показал, что махизм, выступающий под ширмой «новой» философии и якобы открывший истину вне материализма и идеализма, воскрешает на деле старый идеализм.

Махисты проповедовали не только агностицизм, как и позитивисты середины XIX века, но к этому прибавили еще и крайний субъективный идеализм.

Ленин убедительно показал, что когда махисты говорят о вещах как о «комплексах элементов», т. е. что вещь есть якобы совокупность ощущений человека, или когда они говорят о так называемой «принципиальной координации», доказывая невозможность существования внешнего мира до и независимо от человека и его познания, то это и есть чистейший субъективный идеализм. Ныне махизм не может уже выступать в своем прежнем одеянии. Появились новые школки буржуазной философии, продолжающие махизм под «новыми» названиями и этикетками.

Современный позитивизм и его разновидности — прагма-

тизм, инструментализм, неореализм, логический позитивизм, семантизм — не только проникнуты агностицизмом и субъективным идеализмом, но и характеризуются крайне пренебрежительным отношением к теории и философии вообще. Все они выступают за необходимость «очищения» философии от пережитков «метафизики» и «догматизма». Философия, утверждают они, нуждается в коренной перестройке, в «реконструкции» в соответствии с современным уровнем научных знаний. За такие именно теории, «очищенные» от «метафизики» и «реконструированные» якобы согласно требованиям современной науки, выдают теперь свои взгляды инструменталисты, реалисты и прочие позитивисты.

Под видом критики философии XIX века, как чего-то несовместимого с наукой и якобы уводящего науку в область «недоказуемых» умозаключений и предположений, позитивисты на самом деле воюют против материализма и особенно диалектического материализма, как единственного передового и подлинно научного мировоззрения.

Различные направления позитивизма возникли не одновременно. Некоторые из них, как, например, прагматизм, возникли в США еще в 70-х годах прошлого столетия.

Прагматизм происходит от греческого слова «прагма» — дело, действие. Прагматизм называют иногда «философией действия». Его видным представителем в начале XX столетия был американский философ Уильям Джемс. В дальнейшем прагматизм пропагандировал Джон Дьюи. В наши дни активным разносчиком прагматизма в США выступает ярый враг марксизма, некий Сидней Хук. Прагматизм имеет также некоторое распространение в Англии, Италии и ряде других стран.

Возникнув как выражение буржуазной реакции на материализм и революционное движение рабочего класса, прагматизм стал идеологическим оружием американского империализма в борьбе против марксистского мировоззрения. Жонглируя словами и фразами «опыт», «практическая польза как критерий истины», пытаясь доказать, что прагматизм стоит «выше» материализма и идеализма, прагматисты в действительности выступают проповедниками идеалистических воззрений. Опыт для них — «поток ощущений и переживаний» человека. Этим идеалистическим толкованием опыта прагматисты хотят оправдать всяческие суеверные, религиозные представления людей, показать, что якобы в опыте, переживаниях людей и коренятся «доказательства» бытия бога. Анатоль Франс устами одного из персонажей своего произведения «Восстание ангелов» справедливо отметил, что прагматизм создан специально для того, чтобы поднять падающий авторитет религии. Практику позитивисты толкуют также в субъективно-идеалистическом смысле.

Для материалиста, как указывал Ленин, «успех» человече-

ской практики доказывает соответствие наших представлений объективной природе вещей. Прагматист же сводит всю практику лишь к «успеху», толкуя ее субъективно-идеалистически («практика все то, что выгодно мне»). Таким образом, если то или иное высказывание приносит мне пользу, выгодно мне с практической точки зрения, то это высказывание без дальнейших рассуждений объявляется прагматистами вполне истинным. Так, идеология войны и агрессии, политика ограбления и эксплуатации народов, «хорошо» служащая «практическим нуждам» империалистов, оказывается, с точки зрения прагматизма, непререкаемо истинной. Но существует и другая точка зрения, что практическим интересам народов подобная идеология абсолютно не соответствует, она в корне противоположна их интересам. Однако прагматистам, этим верным слугам империализма, нет до этого никакого дела. Более того, они вообще считают, что народ самой природой обречен на рабское положение, а борьба его за свое освобождение «противоестественна».

Так же, как и понятие «опыта», прагматисты приспосабливают и понятие «практики» к оправданию поповщины. Дьюи и Джемс утверждают, например, что вопрос о том, что взять за первопричину и сущность мира — бога или материю,— это дело веры, интуиции, «практической пользы» и что наука здесь якобы бессильна что-нибудь поделать.

Этот пример достаточно ясно показывает, что́ означает на деле прагматический вариант позитивизма, претендующего на открытие истины вне материализма и идеализма.

Часто Дьюи называет свои взгляды инструментализмом, пытаясь тем самым еще больше запутать читателя.

Идеи и теоретические положения науки, утверждает Дьюи, являются не отражением действительности в человеческой голове, а своеобразными «инструментами», с помощью которых человек удовлетворяет свои практические нужды. Поэтому, говорит Дьюи, в отношении идей и теорий бессмысленно применять категорию истины. В крайнем случае, об истинности или не истинности их можно говорить лишь с точки зрения того, насколько успешно они служат нашим «практическим» целям и замыслам. Эти рассуждения Дьюи говорят о том, что новое словечко «инструментализм», ничего не меняя в существе прагматизма, служит лишь тому, чтобы еще больше завуалировать его идеалистическое содержание.

О том, что представляет собой объявленная прагматистами «реконструкция» философии, «очищение» ее от остатков «метафизики» можно понять из следующего.

Прагматисты хотят представить дело так, что в результате «реконструкции» философия перестает быть областью «воображений и предположений», каковой она была якобы до сих пор, и превращается в такой метод познания и действия, который не содержит уже ничего «метафизического», ничего

философского в обычном смысле этого слова, т. е. является ни материалистическим и ни идеалистическим. Прагматизм, в толковании его представителей, есть, таким образом, просто метод, способ «научного» разрешения всех тех споров, которые ведутся на протяжении более чем 2 тысяч лет между материализмом и идеализмом, сам же по себе этот метод не дает человеку никаких знаний об окружающем его мире и о нем самом сверх того, что уже известно из конкретных, естественных наук.

Отрицая познавательную роль философии и даже возможность существования самостоятельной философской науки, прагматисты тем не менее идеалистически решают именно философские вопросы. Более того, когда прагматисты вместе с другими позитивистами утверждают о невозможности существования философии как самостоятельной науки, они исходят опять-таки из определенных философских позиций, а именно — агностицизма и субъективного идеализма.

Более поздней школой позитивизма является неореализм, возникший в начале XX столетия. Он был особенно широко распространен в 20-х годах. В США к неореалистам относятся Монтэгю, Перри, Сполдинг, в Англии — Мур и Рассел. Внутри самой школы неореалистов имеется множество мелких групп, присваивающих себе различные новые названия. Некоторые из неореалистов (как, например, американский «критический реалист» Сантаяна) перешли на позиции откровенной мистики, объявив человеческое сознание чем-то существующим вне человеческого мозга.

«Новая реальность», новое понимание сущности мира, об «открытии» которой декларировали неореалисты, сводилась ими к совокупности ощущений или идей, понятий. Однако это идеалистическое толкование действительности неореалисты прикрывают различными заумными рассуждениями об «имманентности» материи сознанию, т. е. они считают, что мир находится в сознании. Исходя из этого, неореалисты сводят познание к некоему таинственному «самопознанию», откровению и прочей чертовщине.

Неореалисты утверждают, что они нашли «новую реальность», более широкую, чем у материалистов и идеалистов, охватывающую собой и материю и сознание, и что этим они преодолевают якобы «односторонность» материализма и идеализма, создают новый тип философии, исходным пунктом которой служит не материя и не духовная реальность, а реальность вообще. Таковы «реалистические» приемы защиты идеализма. Своими рассуждениями об «имманентности» объекта сознанию неореалисты копируют откровенных идеалистов, так называемых «имманентов», которых Ленин заклеймил как самых отъявленных реакционеров и проповедников религиозного мракобесия.

Неореалисты, вроде англичанина Айера, не ограничиваются

уже рассуждениями о «новой реальности», они стараются доказать, что понятие материи как объективной реальности и законы науки должны быть отброшены. На место этого Айер предлагает поставить формальную логику, изучающую формы мышления в отрыве от содержания. Все неореалисты стремятся максимально сузить круг вопросов, которыми занимается философия. Они сводят ее к формальной логике, исключающей возможность познания реального мира и его закономерностей.

В последнее время неореализм с его «учением» о «новой реальности» начал сходить со сцены, а его представители переходят на позиции других, более завуалированных форм идеализма, в частности на позиции семантической философии, к которой начали примыкать и некоторые прагматисты.

Еще более поздней школкой позитивизма является логический позитивизм. Эта школка образовалась в 20-е годы нашего столетия. Представители ее — буржуазные ученые Шлик, Карнап, Нейтрат, Фейгль и некоторые другие.

Эти философы решили пойти еще дальше неореалистов в «очищении» философии от «метафизики» и «догматизма».

Представители этой школки не говорят уже ни о какой «новой реальности», ибо само понятие реальности они считают не научным, «метафизическим».

Не только материалистическое или идеалистическое решение вопроса о природе реальности, о том, что́ взять за исходное — материю или сознание, но и всякое (в том числе и «неореалистическое») понимание ее, даже всякий вопрос о существовании какой бы то ни было реальности объявляется устаревшим. Единственно, чем еще могут заниматься, по мнению логического позитивизма, мыслители, называющие себя философами, это логическим анализом правил соединения слов в предложения, правил, управляющих формальной структурой языка, т. е. синтаксисом языка, не касаясь смысловой стороны языка. Эти исходные положения логического позитивизма были выражены Карнапом следующим образом: «Нельзя ничего,— писал он в своей книжке «Логический синтаксис»,— говорить о значении символов (к которым Карнап относит не только математические обозначения, но и все научные понятия.— *М. Б.)* или смысле выражений, можно говорить только о видах и порядке символов, при помощи которых конструируются выражения».

Отказываясь утверждать или отрицать существование внешнего мира и распространяя идеалистическую ложь, что практика и наука бессильны что-либо сказать о том, какая же — материалистическая или идеалистическая — точка зрения правильна, логические позитивисты тем самым объективно выступают союзниками фидеистов (ученых, ставящих веру на место знания) в их борьбе против научного мировоззрения.

Но, не отвечая прямо на основной вопрос философии, логи-

ческие позитивисты тем не менее отвечают на него по существу, и этот ответ есть тот же агностицизм и субъективный идеализм, которые пронизывают и все другие школки неопозитивизма.

Однако «философия», запрещающая говорить о мыслях, заключенных в предложениях, не могла долго удовлетворять даже тех невзыскательных заказчиков, на которых работают логические позитивисты. Поэтому в их лагере в середине 30-х годов произошла перестройка: философию «без смысла» они начали исправлять и дополнять соответствующим, как выражается Карнап, семантическим анализом. В результате возник новый «изм» — семантизм, представляющий собой крайне уродливую форму современной буржуазной философии. Семантическим угаром охвачена в настоящее время значительная часть американских буржуазных философов. Семантики решили перетряхнуть основания чуть не всех естественных и общественных наук, чуть ли не все отрасли человеческих знаний, начиная от языкознания и кончая политэкономией. При этом одни семантики (Карнап, Тарский, Фейгль, Моррис и др.) специализируются на извращении общефилософских вопросов, другие (Чейз, Хаякава и др.) выступают в качестве так называемых семантических социологов.

Семантики утверждают, что человеческий язык является не средством общения людей, а какой-то помехой, причиной всяческих раздоров и конфликтов как внутренних, так и международных, так как человеческий язык якобы все перевирает и извращает. Один из видных семантиков, Хаякава, дошел до того, что стал воспевать «простоту нравов» у собак и кошек. Другой семантик С. Чейз предложил вообще держать язык за зубами, так как в противном случае никогда не кончатся ссоры между людьми, войны, «патриотические движения» и т. д.

Хотя логические позитивисты и решили теперь снять с философии запрет анализировать смысловую сторону языка, тем не менее, они все еще продолжают твердить о том, что под смыслом они понимают совсем не то, что имеет в виду «традиционная» философия. Семантики хотят видеть смысл лишь в том, что можно увидеть, пощупать, измерить. Все же, что не подходит под это, они отбрасывают и объявляют метафизикой. Поскольку философия претендует на познание того, что выходит за пределы ощущений, что не может быть непосредственно воспринято нами (как, например, материя вне ее конкретных форм), то философию, по мнению семантиков, надо признать своего рода болезнью человеческого ума. Болезнь эта состоит, по заявлению видного американского позитивиста Фейгля, в претензии философии познать невозможное, т. е. реальное бытие, лежащее за пределами наших ощущений. Чтобы излечить человеческий разум от этой болезни, он прямо и откровенно предлагает мыслящим людям отказаться от материализма.

Призывы позитивистов к ликвидации философии как самостоятельной науки направлены своим острием против коренных положений диалектического материализма о материи как объективной реальности, об объективном характере законов науки, о познании как отражении в сознании человека внешнего мира и законов его развития, о безграничном прогрессе наших знаний.

Попытка неопозитивистов отнять у философии право оперировать общими понятиями на том основании, что общее непосредственно не дано в ощущениях, так как его нельзя пощупать, увидеть и пр.,— равносильна отрицанию любой науки, ибо известно, что никакая наука невозможна без оперирования общими понятиями, отражающими закономерности объективного мира.

С попыткой отрицания возможности научного мировоззрения, т. е. самостоятельной философской науки, советским философам пришлось столкнуться в Цюрихе на международном конгрессе философов 1954 года. С трибуны конгресса раздавались голоса о полной бесполезности философии для конкретных наук.

Конечно, есть разные философские теории. Если иметь в виду буржуазную философию, то желание многих ученых подальше стоять от нее вполне понятно. Эта философия не только не содействует правильному решению различных научных проблем, но и тормозит развитие науки. Другое дело марксистско-ленинская философия, которая служит методологической основой научного познания. В связи с преобладанием на конгрессе позитивистски настроенных буржуазных ученых советские философы в своих докладах показали вредность для развития науки ликвидаторского отношения к философскому научному мировоззрению. В этих докладах отмечалось, в частности, положительное значение для развития советской науки критики и преодоления позитивистских тенденций, имевшихся у нас в первые годы Советской власти среди некоторых наших философов и ученых.

Советские философы убедительно показали, что ни одна из конкретных наук не может заменить диалектический материализм, раскрывающий наиболее общие законы развития природы, общества и мышления.

Отрицание позитивистами научного мировоззрения характерно для всей современной буржуазной идеологии вообще, которая стремится лишить прогрессивные силы передового мировоззрения, идейно разоружить рабочий класс, обречь трудящиеся массы на блуждания в потемках. Марксистское научное мировоззрение ненавистно буржуазии и ее идеологам именно потому, что оно играет великую мобилизующую и организующую роль в борьбе трудящихся за свое освобождение от капиталистического рабства. И сколько бы ни воевали позитивисты,

как и другие идеалистические школки современной буржуазной философии, против марксистского мировоззрения, оно непобедимо благодаря своей строгой научности, благодаря тому, что служит знаменем борьбы трудящихся за мир, демократию и социализм.

Агностицизм позитивизма

Одним из главных аргументов против научного философского мировоззрения позитивисты выдвигают утверждение о том, что философия претендует на якобы невозможное — на познание объективной реальности, лежащей за пределами чувственного опыта, т. е. за ощущениями и восприятиями. Между тем научно познаваемо, с их точки зрения, лишь то, что находится в пределах чувственного опыта, в котором непосредственно даны нам явления и внешние свойства предметов. Наука, по их утверждениям, не может сказать, какова сущность окружающих нас явлений, какими они являются за пределами нашего опыта, независимо от ощущений и восприятий.

Отсюда единственное, в чем неопозитивисты видят пользу философии,— это в установлении границ, пределов для человеческих знаний, за которые запрещается выходить. Невозможно, говорил Дьюи, перейти за пределы опыта, поэтому бессмысленны споры между материализмом и идеализмом о природе реальности, о том, что взять за первичное — материю или сознание.

Другой буржуазный философ-прагматист Джемс пытался эту же мысль выразить в некой примитивной форме: «Быть может, мы находимся в мире так же, как собаки и кошки в наших библиотеках; они видят книги и слышат разговор, не чуя во всем этом никакого смысла».

Английский позитивист Мур в своей книжке «Некоторые основные проблемы философии» высказывается еще более определенно, заявляя, что мы не только ничего не можем знать о том, что из себя представляет объективная реальность, но даже и о том, существует ли она. По Муру, мы воспринимаем не материальные объекты, а лишь собственные ощущения и, кроме них, не можем даже подозревать о существовании каких-либо других объектов.

Ответить на вопрос, что такое реальность, говорит Фейгль,— это все равно, что гоняться за блуждающим огоньком.

Не трудно заметить, что все это заимствовано у неокантианцев и юмистов. Кант, как известно, объявлял недосягаемым все, что выходит за пределы опытных знаний. Переход от ощущений и восприятий к вещам, существующим вне опыта, по Канту, допустим только для веры, но не для знания. Юм же та-

кой переход считал вообще недопустимым. Эту именно вздорную, разоблаченную еще Лениным, реакционную идею агностиков, принижающую человеческий разум, ограничивающую область применения науки, с тем чтобы оставить место для религии, позитивисты выдают теперь за нечто новое.

Но может быть имеются какие-нибудь современные данные, подтверждающие бессилие человеческого разума? Нет, таких данных нет и не может быть. Наука шаг за шагом все глубже раскрывает закономерности объективного мира, постоянно выходя за пределы ощущений и восприятий. А марксистская философия, обобщая данные науки, создает научно обоснованную картину мира в целом, указывает пути преобразования мира, революционного изменения общественной жизни. Именно эти положения и не устраивают философов отживающего мира. В этом, собственно говоря, и все дело, в этом причина того, почему современные буржуазные философы все больше погружаются в трясину агностицизма.

Диалектический материализм давно уже доказал, что вопрос об истинности наших знаний решается не теорией, а практикой. Раз мы сами воспроизводим те или иные явления природы, вызываем их из естественных условий и заставляем служить нашим целям, то всякие рассуждения о непознаваемости объективной реальности не имеют никаких оснований.

Именно это и подтверждают многочисленные открытия передовой науки, доказывающие единство органического и неорганического миров, открытия, показывающие, как постепенно неощущающая материя превращалась в ощущающую, как с развитием нервной системы на основе трудовой деятельности человека развивалось и совершенствовалось человеческое сознание. Все эти и другие открытия являются прочной естественнонаучной основой учения о материальном единстве мира, о первичности материи и вторичности сознания, о познаваемости мира. Вся общественная практика и развитие науки и техники показывают полную несостоятельность агностицизма, служащего для позитивистов исходным пунктом отрицания возможности научного мировоззрения, самостоятельной философской науки.

Позитивисты заведомо закрывают глаза на тот факт, что современное общественное производство, как и вся общественная практика, и невиданные доселе успехи науки и техники на каждом шагу и во всех направлениях подтверждают постоянное углубление наших знаний от явлений к сущности, от менее глубокой сущности к более глубокой сущности и т. д., без конца.

Диалектический материализм в противоположность агностицизму в полном соответствии с данными науки и практики «исходит из того, что мир и его закономерности вполне познаваемы, что наши знания о законах природы, проверенные опытом, практикой, являются достоверными знаниями, имею-

щими значение объективных истин, что нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, ещё не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики» [1].

Позитивисты ставят своей целью подорвать основы всякого научного познания, ограничить его описанием лишь поверхностных явлений, данных нам в ощущениях и в восприятиях. Они идут против философских обобщений данных наук потому, что эти обобщения означают познание человеком все более и более глубокой объективной связи мира.

В противоположность объективным идеалистам, отождествляющим общее с духом, «абсолютом», выводящим из него все многообразие конкретных вещей и явлений и признающим, в конечном счете, сотворение мира богом, диалектический материализм считает, что общее объективно существует лишь в отдельном, через отдельное, а не вне и не помимо его. В то время как объективный идеализм, отрывая общее от отдельного, мистифицирует его, превращает в нечто таинственное и неизвестно откуда взявшееся, диалектический материализм учит, что общее выражается в законе, сущности, качестве окружающих явлений, и познание его имеет огромное значение для овладения миром и изменения его в интересах общества. Диалектический материализм разоблачает и реакционную возню позитивистов вокруг вопроса о том, что взять за основу философии — сущность, общее или «непосредственно данное», эмпирическое. Ограничивая науку и философию областью «непосредственно данного» и отрицая объективность общего, отвергая по сути дела существование объективного мира, позитивисты льют воду на мельницу фидеизма. Отрицая объективность общего (материи, законов, причинности, качества и т. д.), они приходят, в конце концов, к отрицанию законов науки, к превращению их в нечто произвольное, зависящее от капризов философствующих позитивистов. Этому диалектический материализм противопоставляет стройное учение о том, что отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему, что всякое отдельное так или иначе есть общее. Особая заслуга в разработке этих положений диалектического материализма принадлежит, как известно, В. И. Ленину.

Позитивизм — завуалированная форма субъективного идеализма

Позитивисты, как уже было показано, являются агностиками, ибо они отрицают возможность выхода человеческих знаний за пределы ощущений и восприятий, и на этом основа-

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 582. Изд. 11-е, Госполитиздат. 1952.

нии пытаются доказать невозможность научного философского мировоззрения, а конкретные естественные и общественные науки ограничивают лишь рамками описания этих ощущений. Всех же, кто признает существование реальности за пределами ощущений и восприятий, они объявляют догматиками, метафизиками и вообще отставшими от науки ретроградами. Они вслед за махистами объявляют свои философские взгляды выше материализма и идеализма. Пытаясь подняться над основными философскими партиями, позитивисты намеренно скрывают коренную противоположность идеалистического и материалистического понимания реальности и тем самым стараются затушевать свое субъективно-идеалистическое истолкование этой реальности. Именно по этим соображениям Дьюи вместо «старомодной субстанции» — материи как объективной реальности, предлагает в качестве основы мира «события» или «операционные факты», описываемые им как «нейтральные сущности» мира. Английский прагматист Шиллер спешит пояснить, что все эти факты не есть факты до тех пор, пока они не приняты нами как таковые.

Что же такое «нейтральные сущности» или «операционные факты»? На этот вопрос Дьюи прямо не отвечает, маскируя свои идеалистические взгляды. Он указывает, что объекты знания, т. е. факты, не существуют независимо от процесса познания, а являются лишь «следствием целенаправленного действия», т. е. человеческого опыта. Таким образом, факты, объявленные нейтральными по отношению к природе и сознанию, по доводам Дьюи, оказываются продуктами сознания. Его рассуждения о «нейтральных сущностях» мира сводятся, в конечном счете, к утверждению, что мир не существует и не существовал до человека, т. е. независимо от его сознания. Вне человека с его опытом нет никакого мира. Но это и есть всем известный субъективный идеализм, который позитивисты хотят всячески завуалировать. Вводя понятие о «нейтральной сущности», прагматизм претендует на то, чтобы снять вопрос о том, что является первичным — материя или сознание, уйти от решения этого вопроса.

На эти претензии дал исчерпывающий ответ Ленин, разоблачая махистов. «...Нельзя,— писал Ленин,— по сути дела нельзя дать иного определения двух последних понятий гносеологии (т. е. понятий материи и сознания.— *М. Б.*), кроме как указания на то, которое из них берется за первичное» [1].

Понятия материи и сознания являются предельно широкими понятиями и всякие попытки дать им еще более широкое определение Ленин расценивал как шарлатанство или крайнее скудоумие. Это целиком можно отнести и к попыткам позитивистов найти или открыть «нейтральные сущности» мира.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 133. Изд. 4-е.

Отвергая объективное содержание науки, инструментализм более всего нападает на объективную истину, без признания которой немыслимо вообще научное познание. Критерием истинности того или иного теоретического положения является для Дьюи его полезность. Раз оно удовлетворяет наши запросы, «работает на нас», значит оно достоверно. Отсюда инструменталист заключает, что если идея бога удовлетворяет запросы верующих, то она истинна.

Вся история классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией совершенно определенно доказывает, что религия притупляет сознание масс, дезорганизует их волю к борьбе. Представляя собой нечто в корне противоположное научному миросозерцанию, религия призывает простых людей отказаться от борьбы за свое освобождение от капиталистического рабства и за это обещает им счастье в несуществующей загробной жизни, на том свете. Религия нужна эксплуататорам для отвлечения трудящихся от борьбы за переустройство земной жизни. Поэтому вся реакционная буржуазная философия идет на всевозможные ухищрения, чтобы доказать совместимость религии и науки.

Для неореалистов также характерно искание «нейтральных событий», как и для прагматистов. Словечком «нейтральный» они стараются прикрыть свои субъективно-идеалистические взгляды. Субстанция, т. е. материя, говорят они, «по существу просто удобный способ собирания событий в пучки». В качестве категории, якобы могущей служить основой мира, неореалисты выдвигают понятие «событий». Мир есть «серия событий», вещи есть «пункты событий» — такова точка зрения неореализма. Следовательно, исходные позиции неореалистов и инструменталистов едины.

Рассел следующим образом иллюстрирует исходное положение неореализма. Что такое мистер Смит? — спрашивает он и отвечает: «Когда мы смотрим на него — на мистера Смита,— мы видим ряд красок, когда мы слышим его, мы слышим серию звуков и полагаем, что подобно нам он имеет мысли и чувства. Но что такое мистер Смит помимо этих явлений? Это просто воображаемый крючок, на который, как предполагается, навешаны явления. Фактически явления не нуждаются в этом крючке, также как земля не нуждается в слоне, на котором она покоится». Если иметь в виду, что неореалисты понимают под явлениями совокупность ощущений, то выходит, что бедный мистер Смит представляет собой всего навсего совокупность ощущений и восприятий. Так неореализм смыкается с инструментализмом.

Материя, говорит неореалист Сполдинг, является лишь логической конструкцией. А логическая конструкция для неореалистов есть лишь символическая фикция, ибо за ней ничего объективного нет. Сантаяна твердит, что существование внеш-

них вещей как причин ощущений не может быть доказана, мы верим в их существование лишь в силу животной веры, которая совершенно нерациональна, а является лишь биологически необходимым инстинктом. Все эти высказывания говорят о том, что неореализм есть завуалированная форма субъективного идеализма, отрицающего существование внешнего мира, материи за пределами наших ощущений и восприятий.

В наше время все более усиливаются атаки буржуазной философии на понятие материи как объективной реальности, являющейся краеугольным камнем подлинно научного, материалистического мировоззрения. Буржуазные философы постоянно ссылаются на новые данные естествознания, которые якобы опровергают существование материи. Однако вся история практики и науки доказывает, что все явления и предметы внешнего мира, изучаемые конкретными науками, по природе своей материальны, т. е. существуют вне и независимо от нашего сознания. Ничего другого и не заключается в понятии материи. Какие бы превращения ни претерпевали вещи и явления, они не перестают быть материальными. При физических или химических изменениях вещества, а также в более сложных процессах, когда одни химические элементы превращаются в другие, или даже при превращениях мельчайших элементарных частиц (например, электронов и позитронов в фотоны), материя не исчезает и не теряет своего свойства объективной реальности. Во всех этих превращениях исчезают лишь старые и возникают новые свойства и качества материи, т. е. одна форма движения материи переходит в другую. Таким образом, ссылки буржуазной философии на данные современной науки, которая якобы опровергает материализм, не имеют под собой никакой почвы.

На цюрихском международном конгрессе философов было немало выступлений представителей буржуазной философии, призывавших заменить понятие материи просто реальностью. Но реальным является и сознание. Объявляя все окружающее нас, как и сознание, одинаковой по своему характеру реальностью, буржуазные философы хотят обойти вопрос о первичности материи и вторичности сознания и тем самым оставить лазейку для идеализма. Отказ от понятия материи как объективной реальности подрывает коренные основы науки, изучающей материальный мир, и неизбежно ведет в болото поповщины.

Антинаучность и реакционность современной буржуазной социологии

Попытки буржуазных философов подменить научное философское мировоззрение различного рода эклектическими идеалистическими теориями, отрицающими возможность познания мира и его закономерностей, объективно направлены на под-

держку фидеизма и используются империалистической реакцией для отравления сознания масс. Особенно наглядно реакционная роль современной буржуазной философии, ее упадок и разложение проявляются в социологических теориях буржуазных идеологов. Главное свое назначение буржуазная социология видит в том, чтобы остановить прогрессивное развитие общества, воспрепятствовать победе демократии и социализма. Но это значит действовать против объективных законов поступательного общественного развития. Поэтому-то буржуазные социологи так усиленно и отрицают существование этих законов. Характерными чертами буржуазной общественной мысли, как отмечал В. И. Ленин еще в 1914 году, являются: «Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития...» [1].

Эти отмеченные Лениным признаки упадка и разложения буржуазной общественной мысли ныне проявляются особенно ярко. Никогда еще буржуазная социология не находилась в состоянии такого упадка и не приобретала таких жалких форм эпигонства, субъективного идеализма и агностицизма, какие она имеет в настоящее время. Современная буржуазная социология проповедует агностицизм, отрицает существование объективных законов развития общества или мистифицирует их. Окончательно порвав с наукой, она воспевает фашистскую расовую теорию, мальтузианство. Буржуазные социологи, боясь правды, голословно утверждают, что познание законов, сущности общественных явлений недоступно человеку, ибо они представляют собой нечто таинственное. Примером этого крайнего, беспросветного агностицизма могут служить высказывания прагматистов, открыто считающих причины, определяющие действия людей, настолько темными, что их вообще невозможно познать. «Мы отданы,— писал Дьюи,— на милость событий, которые действуют на нас неожиданно, резко и жестоко».

Скорбь и отчаяние буржуазных социологов, вызванные страхом перед общественным прогрессом, выражают страх империалистов, теряющих под собой почву и чувствующих, что их господству приходит конец. Не эта ли обстановка безысходности приводит буржуазных социологов к таким сумасбродным сравнениям, в которых развитие человечества уподобляется развитию... куколки. Куколка, говорят они, старается освободиться из кокона и чувствует, что наступает перемена в ее жизни, но она не знает еще, что значит быть бабочкой. Так происходит якобы и с человечеством, которое находится в полном неведении насчет своего будущего.

Духом отчаяния и бесперспективности проникнуты, например, статьи недавно вышедшего в Нью-Йорке пухлого сбор-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 179.

ника под названием «Основы политической науки», рекомендованного для американского студенчества. Современный человек, указывается там, «больше не знает, куда и почему он идет. Он потерял чувство направления. Страх перед неведомым завтрашним днем и путаница по поводу смысла жизни являются всеобщими симптомами кризиса нашей цивилизации».

Если будущее не сулит ничего хорошего, то, конечно, «удобнее» всего объявить его чем-то таинственным, непознаваемым и т. п. «Современный человек» и «цивилизация» в понимании буржуазных социологов — это буржуа и капитализм. Предчувствуя наступающую с неотвратимой неизбежностью гибель капитализма, американский реакционный философ Флюелинг панически заявляет, что мир находится теперь на краю бездны. Упадок капитализма сей мракобес старается представить как наступление гибели всего человечества.

Буржуазные социологи на излюбленном ими специальном философском жаргоне выражают архиреакционные идейки о непознаваемости и таинственности общественных явлений. Невозможно, говорят они, найти критерий для отличия субъекта от объекта, познающего от познаваемого. Например, американский философ У. Файт говорит, что философы сами вконец запутались и не в состоянии теперь решить «спор» о том, какая разница, с точки зрения гносеологии, существует между собакой и хозяином собаки, между свиньей и любителем ветчины. Следовательно, бессмысленно даже ставить вопрос о познании жизни общества. Поэтому все общественные явления удобнее объявить «простыми нейтральными фактами», а «общественный мир» — искусственным построением для «практических целей» кучки монополистов, которые якобы могут по своей воле изменять его. Однако общественные явления, объективные основы общественной жизни, непримиримый антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми не перестают существовать и действовать от того, что их объявляют «нейтральными».

Выше уже говорилось о так называемых «нейтральных фактах» при рассмотрении взглядов позитивистов в общефилософских вопросах. Этими словечками позитивисты прикрывают свой идеализм, ибо эти «факты», взятые за основу мира, означают у них ощущения или элементы мысли, т. е. понятия. Теперь мы снова встречаемся с подобными «фактами», но уже в социологии. Объявляя общественные явления «нейтральными фактами», буржуазные социологи пытаются затушевать твердо установленное марксистской наукой, историческим материализмом положение об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, к общественным идеям и теориям.

Смешав материальную жизнь общества с общественным сознанием, позитивисты тайком протаскивают волюнтаристские, крайне субъективистские взгляды на историю. Разница между

школками позитивизма состоит лишь в том, что одни из них берут за решающую силу общественного развития своекорыстную волю кучки империалистов, другие придумывают какие-то неизъяснимые инстинктивные влечения одних людей к господству над другими, третьи выпячивают на первый план сфабрикованную ими природную склонность человека к войне, а семантические социологи готовы даже свести причины классовой борьбы и вообще антагонистические противоречия современного капитализма к несовершенству человеческого языка, путем улучшения и реформирования которого, по их версии, можно якобы избавиться от всех язв и пороков капитализма и т. д. и т. п.

Другая группа буржуазных социологов считает, что предметом социологии должно быть не выяснение общих законов прогрессивного развития общества, а лишь оценка отдельных явлений жизни с точки зрения этики. Основное назначение такой, широко распространенной в США этической социологии состоит в увековечивании капитализма. Один из ее главных представителей, злейший враг демократии и социализма Д. Сантаяна в своей книжке «Господство и власть» пытается доказать, что пролетариат и буржуазия являются не исторически преходящими антагонистическими классами, а вечными «моральными типами», без которых немыслимо якобы никакое общество. Сторонникам такой социологии представляется, что уничтожение господства буржуазии и построение социализма не поднимает общество на более высокую ступень экономического, политического и культурного развития, а, наоборот, якобы «морально» обедняет общество. Вряд ли можно придумать что-либо более абсурдное, чем подобные утверждения. Они показывают, до какой степени услужливости перед своими хозяевами-империалистами доходят иные буржуазные социологи.

Многие английские буржуазные философы, особенно в последние годы, стараются убедить людей, что современная жизнь и будущее человечества покрыты якобы полным мраком, и то единственное, о чем можно еще говорить,— это об этическом отношении к действительности. Но и оно не содержит уже ничего, кроме призывов к страстям. В соответствии с этим английские буржуазные философы и социологи призывают к тому, чтобы пролетарии поменьше боролись за улучшение своего положения, и за это они обещают им благополучие в будущем, притом без всякого ущерба благополучию капиталистов. Таковы давно известные и также давно опрокинутые жизнью доводы буржуазных социологов в пользу вечности капитализма.

Теперь, когда уже одна треть человечества навсегда покончила с властью эксплуататоров, а народные массы капиталистических стран все решительнее порывают с влиянием буржуазной идеологии и становятся все более сознательными и орга-

низованными в борьбе за свое освобождение, буржуазным социологам становится все труднее защищать идею вечности капитализма.

Теории, в которых отрицается прогрессивное развитие общества, так же далеки от науки, как небо от земли.

Буржуазным философам общественная жизнь представляется чем-то зависящим от неизъяснимых, таинственных побуждений и переживаний человека. «Психологизм» буржуазной социологии, прикрывающийся ссылками на экспериментальное изучение поведения человека, направлен на то, чтобы не допустить массы к овладению материалистическим пониманием общественной жизни.

Ныне многие из таких «психологистов» перестраиваются на лад «атомной социологии», служащей целям запугивания свободных народов. «Атомщики» от социологии, вроде Барнхэма, Огборна и других, стараются внушить простым людям ту сумасбродную идейку, что в век атомной энергии человечество стоит якобы перед альтернативой — либо массового уничтожения, либо подчинения господству монополистов. По версии этих социологов, наличие сверхскоростных самолетов, запасы атомных бомб и иных средств массового уничтожения якобы отменяют законы развития общества.

Разжигая атомную истерию, буржуазные социологи хотят заставить простых людей поверить в неизбежность атомной войны, запугать миролюбивые народы, деморализовать их и навязать им идеи неизбежности атомной войны. Дело доходит до того, что наиболее реакционные буржуазные социологи открыто призывают к использованию в войне водородной бомбы, цинично заявляя при этом, что это послужит на «благо человечества», «разбудит человечество к осознанию действительного значения современного кризиса», другими словами, спасет империализм от окончательного краха.

«Если когда-либо,— утверждают идеологические прислужники империализма,— и был случай, когда человеческий взор мог видеть руку судьбы, вмешивающейся в дело человека, то, несомненно, это появление водородной бомбы на горизонте развития человечества». Угрозы и запугивания, сумасбродные надежды на водородную бомбу, как на средство спасения империализма от окончательного краха, не являются признаком силы. Они показывают лишь неуверенность и страх империалистов перед будущим, перед крепнущими силами масс, силами мира и демократии.

Буржуазная социология стремится отвлечь массы от революционного преобразования общества. Особенно это заметно на примере широко распространенной так называемой микросоциологии, которая переносит позитивизм на изучение явлений общественной жизни. Главное место микросоциология отводит изучению мелких фактов и эпизодов жизни в ущерб крупным

социальным проблемам. Основатель микросоциологии в Америке Морено на все лады перепевает одну и ту же мысль: социология должна отступить от «максимума», т. е. от изучения закономерностей развития общества и его коренных социальных и классовых противоречий, и перейти к «минимуму», т. е. к изучению «микроскопических» явлений, к которым он относит отдельные личности или небольшие группы людей с их переживаниями и настроениями. Свою задачу подобные социологи видят вовсе не в том, чтобы раскрывать объективные законы общественного развития, а в том, чтобы тщательно вуалировать причины антагонистических противоречий капитализма, причины роста бесправия и нищеты трудящихся масс капиталистического общества.

Некоторые буржуазные социологи под давлением неопровержимых фактов бесправия и нищенского положения масс в капиталистическом обществе выступают с различного рода рецептами «радикального» разрешения острых вопросов общественной жизни. Особенно лихорадочную деятельность в этом направлении развивают семантические социологи. Они говорят, что язык слишком засорен опасными словами, многие из которых не имеют реального смысла, как, например, капитализм, эксплуатация, агрессия, фашизм, демократия, патриотизм и т. д. Главную причину всех зол современной жизни они видят в том, что люди по-разному понимают смысл одних и тех же слов, и поэтому достаточно людям договориться об одном смысловом употреблении этих слов или отбросить некоторые из них, как прекратятся всякие внутренние и международные раздоры и конфликты. Чейз в своей книжке «Пути к соглашению» пишет, что современная классовая борьба порождается не капиталистическим способом производства, а употреблением людьми таких слов, как «пролетариат» и «буржуазия».

Империалистическая реакция цепляется за семантику, как за счастливое открытие, чтобы создать словесную паутину вокруг социальных причин рабского положения трудящихся масс в капиталистических странах.

Ныне все непредубежденные люди видят, что не национальные различия в языках, а своекорыстные устремления агрессивных кругов империалистов затрудняют ослабление напряженности в международных отношениях. Жизнь подтверждает, что ни национальные языки, ни суверенитет народов, ни даже различия в социально-политическом строе не служат и не могут служить препятствием для развития добрососедских, мирных отношений между государствами. Известно, что при наличии доброй воли и уважения прав, свободы и независимости народов отпадают всякие преграды на пути сближения народов и успешного развития экономических и культурных связей между всеми странами.

Марксизм-ленинизм учит, что человеческое общество раз-

вивается по восходящей линии. Высшей ступенью развития общества является коммунизм. Общественный прогресс есть путь человечества от капитализма к коммунизму.

Со всем этим не могут примириться социологи буржуазии. Понятие прогресса для господствующих классов современного капитализма потеряло смысл, стало «анахронизмом» потому, что сами эти классы стали тормозом прогресса человечества, у них нет будущего, они отживают свой век.

Империалистам в целях выколачивания максимальной прибыли нужна агрессивная внешняя политика, милитаризация и война. Поэтому прислуживающие им социологи хотят заставить простых людей поверить, что война — это неизбежность. Лживость — одна из характерных черт современной буржуазной социологии. Пропагандируя необходимость войны против Советского Союза и стран народной демократии, буржуазные социологи пытаются выдать такую войну за средство обороны от мнимой «угрозы коммунизма» и «наступления советской идеологии». Однако наперекор всей этой антикоммунистической пропаганде, наперекор всем препятствиям, чинимым империалистами, миролюбивая внешняя политика Советского Союза, отвечающая кровным интересам всех народов, встречает все более широкое признание и поддержку во всех концах света. Самоотверженная борьба миллионов простых людей за предотвращение новой войны является лучшим ответом проповедникам агрессии, которые встречают отпор простых людей всего мира и прежде всего лагеря мира, демократии и социализма, представляющего мощный оплот мира во всем мире.

Философия и политика — это понятия, тесно связанные, но не совпадающие друг с другом. Жизнь показывает, что не всегда ученые, стоящие на неправильных или даже реакционных философских позициях, занимают такие же позиции и в политике. Несомненна реакционность философских идей позитивизма, но не все философы-позитивисты — реакционеры в политике. Среди них есть и прогрессивные политические деятели, активно борющиеся за мир и сотрудничество народов. Безусловно прогрессивной, например, является политическая позиция известного английского ученого лорда Бертрана Рассела — сторонника позитивизма, активно выступающего против атомной войны.

Ширится круг прогрессивных ученых, мыслителей и общественных деятелей, вступающих в активную борьбу против разлагающего влияния современной буржуазной идеологии. Марксисты всех стран ведут активную борьбу против буржуазной философии. За последние годы в США, Англии и других странах вышел целый ряд фундаментальных марксистских трудов, в которых подвергается основательной марксистской критике позитивизм.

Некоторые из этих книг полностью или частично переведены

и опубликованы у нас. К ним относятся работы английского марксиста К. Корнфорта «В защиту философии», американского марксиста Г. Уэллса «Прагматизм — философия империализма», выдающегося английского ученого и прогрессивного деятеля Дж. Д. Бернала «Наука и общество», чешского марксиста И. Лингарта «Американский прагматизм», польского марксиста А. Шаффа «Некоторые проблемы марксистско-ленинской теории истины». Недавно был опубликован сборник «Общественные деятели Англии в борьбе за передовую идеологию», в котором помещены переводы из книг, статей и выступлений прогрессивных ученых и общественных деятелей Англии.

В этих трудах, как и во многих других работах зарубежных марксистов, творчески разрабатываются актуальные проблемы марксистско-ленинской теории применительно к современному освободительному движению рабочего класса. В них убедительно показана научная несостоятельность и реакционность позитивизма и всех его школ — прагматизма, неореализма, логического позитивизма и семантики.

Трудящиеся массы и все честные деятели в области культуры, науки и просвещения капиталистических стран все более начинают распознавать реакционный, антинародный характер буржуазных общественных теорий, служащих своекорыстным интересам империалистов. В этом неоценимую помощь оказывает им подлинно научная жизнеутверждающая марксистско-ленинская теория, указывающая народам верный путь к свободе и счастью.

★ К ЧИТАТЕЛЯМ ★

Издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Новая площадь, д. 3/4.

★

Автор
Мухетдин Шарафутдинович Бахитов.

Редактор **Ю. Е. Ковтун.**
Техн. редактор **П. Г. Ислентьева.**

А04460. Подп. к печ. 22/VIII 1955 г. Тираж 152 000 экз. Изд. № 97.
Бумага 60 × 92 1/16 — 0,75 бум. л. = 1,5 п. л. Учетно-изд. 1,65 л. Заказ № 495.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфпрома
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

60 коп.